

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук

Национальная металлургическая академия Украины

О ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Непосредственным поводом к изложению некоторых соображений о соотношении методологии и философии экономической теории послужила книга О.И.Ананьина¹. Специальная статья об этой книге была подготовлена автором для журнала "Вопросы экономики"². Предлагаемый вниманию читателя материал представляет собой переработанный и уточненный вариант указанной статьи.

Один из удивительных парадоксов научной деятельности состоит в том, что доподлинно *известное* при ближайшем рассмотрении нередко оказывается наименее *познанным*. До недавнего времени вполне справедливо считалось, что всякий уважающий себя экономист-теоретик должен в совершенстве владеть историей экономических учений – этим кладом экономических идей, концепций, теорий, методов и подходов. Сомнения в достаточности такого знания хотя и посещали экономистов, но не были доминирующими, а тем более определяющими. Интуитивная неудовлетворенность сложившимся положением вещей стала нарастать в связи с углублением фрагментации экономического знания: все теории просто не упомнишь, и даже ознакомиться со всеми физически не хватает времени. Но только *методологический бум*, начавшийся в 80–90-е годы XX столетия, привнес в научное экономическое сообщество острое ощущение невозможности дальнейшего развития родной науки без соответствующего углубления ее саморефлексии. Оказалось, что наука, которая нам прекрасно известна, остается для нас *научной загадкой*. Первый этап ее научного познания – преимущественно *эмпирический, описательный*, – представленный стандартной историей экономических учений, во многом себя исчерпал. На очереди – этап *теоретического осмысления* фундаментальной экономической науки (ФЭН), и, вероятно, не каждый ученый-экономист, исследующий реалии, может стать столь же успешным исследователем самой науки. И хотя этот, второй этап саморефлексии ФЭН, еще далек от доминирования и не обрел классические формы, в нем угадываются контуры *философского постижения* ФЭН.

О фундаментальной экономической науке как объекте науки и философии

Экономическое знание в целом (ЭЗ) – результат постижения человеком экономических реалий в универсальном контексте. Непосредственными формами воплощения и представления *знаний* являются пословицы, поговорки,

¹ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: Методологический анализ. – М., 2005. – 244 с.

² Тарасевич В.Н. К философии экономической теории: прорыв в неизведанное известного // Вопросы экономики. – 2006. – № 4.

байки, былины, сказания, догматы, догадки и т. п.; ощущения, восприятия, представления; понятия, категории, суждения, умозаключения, гипотезы и теории. *Экономическая информация* непосредственно воплощается в тех или иных данных, текстах, сообщениях. Если "информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему (выделено мною. – В.Т.)" (Н.Винер), то знание – само это *содержание*. В отличие от информации, знание является непосредственным основанием целенаправленной деятельности человека³.

ЭЗ может быть структурировано по разным признакам. Чаще всего, имея в виду характер и результаты постижения, выделяют научное и ненаучное ЭЗ. Хотя последнее значительно богаче и включает, по крайней мере, мифологическую, религиозную, народную, художественную, экстрасенсорную, эко- и экзотерическую составляющие⁴, философов и методологов оно интересует пока лишь в меру его влияния на научное ЭЗ. Последнее, в свою очередь, состоит из экономико-теоретического знания (ЭТЗ) и знания конкретно-экономического. В строгом смысле ЭТЗ является результатом функционирования и развития ФЭН. Но ЭТЗ может рассматриваться как не только результат, но и процесс. Это верно и в отношении ФЭН. В таком случае ФЭН тождественно ЭТЗ. Здесь и далее эти понятия употребляются как синонимы.

Строение ЭТЗ может определяться взаимодействием его акторов (автора, носителя и пользователя) с ненаучной и научной средой. С этих позиций *онтологическая* составляющая ЭТЗ во многом производна от экономики как объекта; *гносеологическая* составляющая – от состояния и эволюции науки и научной деятельности; *праксеологическая* – от порядка и условий практического применения ЭТЗ, а *культурно-аксиологическая* составляющая детерминирована духовными, социальными, политическими и экологическими факторами. В свою очередь, каждая из указанных составляющих имеет собственное строение (состав элементов) или, выражаясь не философским, а экономическим языком, – структуру.

Онтологическая структура ЭТЗ представлена у О.Ананьина картинами экономической реальности (КЭР), каждая из которых – "это обобщенная характеристика собственного внутреннего содержания данной предметной области"⁵. С этим трудно спорить. Менее бесспорна *гносеологическая структура* ЭТЗ. О.Ананьин называет ее функциональной и включает в нее: 1) теоретическое знание; 2) эмпирическое знание (совокупность фактов, получивших истолкование в рамках соответствующей теории и составляющих ее эмпирический базис); 3) парадигмальное знание, включающее общие стандартные представления о предметной области и принципах ее изучения; 4) инструментальное знание и навыки по технологии исследовательской работы; 5) инструментальное знание и навыки прикладного характера, составляющие основу искусства экономики⁶.

По существу речь идет о конкретизации и развитии применительно к экономической теории философских постулатов о последовательных этапах (от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике⁷) и

³ *Ракитов А.И.* Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 84.

⁴ Более подробно о соответствующих формах постижения бытия см.: *Урманцев Ю.А.* О формах постижения бытия // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 95–103.

⁵ *Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания. – С. 56.

⁶ Там же. – С. 17.

⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 152–153.

иерархических уровнях (эмпирический и теоретический) научного познания. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что указанная конкретизация неявно предполагает сосуществование лишь онтологической и гносеологической составляющих ЭТЗ, а потому включает те элементы, которые по определению имманентны иным составляющим, которые менее разработаны экономической методологией. Так, корпус опытного знания и принципы изучения предметной области более близки *культурно-аксиологической* составляющей ЭТЗ, а навыки по технологии исследовательской работы и применению научных результатов – *праксеологической*.

Подобное разграничение сфер влияния отнюдь не схоластично. Это как раз тот случай, когда (если следовать парафразу известной ленинской мысли) решительное и полное размежевание является необходимым условием эффективного сочетания и объединения. *Во-первых*, каждая составляющая ЭТЗ весьма специфична, обладает особыми свойствами, закономерностями организации и эволюции. ЭТЗ в целом может быть "настроена" не только по онтологическому или гносеологическому, но и по культурно-аксиологическому или праксеологическому "камертону". Так, для ЭТЗ в равной мере важны и следование принципу соотношения с ценностью Г.Риккерта, и признание этических ограничений важным условием осуществления объективного научного исследования человекообразных систем⁸, и принципиальная возможность структуризации по ценностным критериям. Например, хорошо известна приверженность неоклассики и неолиберализма принципу свободы личности, социал-демократической экономической теории – принципу социальной справедливости, а оригинальной для европейцев экономической мысли Востока – традиционным ценностям (конфуцианским или буддистским). Видимый парадокс детерминации научного знания ненаучными предпосылками должен не смущать ученых, а восприниматься как дополнительный повод для саморефлексии в отношении перспектив и механизмов научной экспансии в ненаучные сферы.

Во-вторых, экономические гипотезы, концепции, теории и парадигмы демонстрируют самые разнообразные варианты сочетания рассматриваемых составляющих ЭТЗ. Но *осмысление* такого сочетания трудно признать основательным. Преобладают хотя и значимые, но уже недостаточные констатации и эмпирические обобщения, в которых "не разводятся сущность и явления"⁹. Ограничимся двумя примерами. *Первый*. Из важного философского положения о невозможности никакой основательной онтологии без основательной гносеологической рефлексии¹⁰, в частности, следует, что адекватная КЭР не может быть получена без умелого использования всех элементов функциональной структуры ЭТЗ. Ясно и то, что наличное *предметно-дисциплинарное строение* ЭТЗ, представленное историей экономических учений, политической экономией, микроэкономикой, макроэкономикой, международной экономикой, переходной экономикой, институциональной экономикой¹¹, является результатом взаимодействия онтологической и гносеологической составляющих ЭТЗ. Но каково

⁸ "Круглый стол" журналов "Вопросы философии" и "Науковедение", посвященный обсуждению книги В.С.Степина "Теоретическое знание" // Вопросы философии. – 2001. – № 1. – С. 9.

⁹ Лазарев В.С. Связь логики и психологии в деятельностной теории мышления В.В.Давыдова // Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 75.

¹⁰ Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла "Открытие сознания заново") // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 99.

¹¹ Вероятно, в скором времени она будет дополнена эволюционной экономикой.

содержание этого взаимодействия? Каким образом должны быть задействованы элементы функциональной структуры?

Второй пример. Вывод В.Степина о том, что новые, человекообразные объекты требуют рефлексии над связью между традиционным этосом науки и вненаучными социальными ценностями¹², имеет общеполитическое и общенаучное значение. В отечественной экономической теории подробно представлен классовый подход к процессу и результатам научной деятельности. Безусловно, изучение взаимодействия интересов различных социальных групп и слоев, с одной стороны, и содержательных элементов ЭТЗ – с другой, не потеряло своего значения¹³. Но в контексте богатого содержания культурно-аксиологической составляющей ЭТЗ этого явно недостаточно. К тому же вовсе не обязательны идентичность или подобие сущности и характера взаимодействия интересов и различных ценностных установок (принципов), с одной стороны, и указанных содержательных элементов – с другой. Следует подчеркнуть: речь идет не о какой-либо ограниченности упомянутых философских положений самих по себе. Напротив. Но присущего им *общего* начала уже недостаточно для выяснения *особой* структуры (взаимосвязей) составляющих ЭТЗ. Почему? И потому, что нужна их (положений) адекватная адаптация к особому экономико-теоретическому "материалу", и потому, что пока нет достаточной ясности в отношении качественной специфики, строения и содержательных различий самих составляющих ЭТЗ.

Итак, ФЭН – весьма сложное образование, которое по своему содержанию и структуре может и должно быть объектом научного познания и философского осмысления.

Философия экономической науки и искусство экономики

Отмеченные О.Ананьиним научные "пороки" – рикардиевский, шмолеровский, фридмановский и вебленовский¹⁴ – являются не столько неизбежным "злом" соответствующих теорий (в заданных гносеологических "координатах" их (теорий) значимость не вызывает сомнений), сколько естественным следствием абсолютизации того или иного уровня ЭТЗ (этапа научного познания) в сравнении с иными. Поэтому не удивляет, во-первых, близость указанных "пороков" таким известным в науке феноменам, как схоластика, эмпиризм, узкий практицизм и пиетет перед здравым смыслом, соответственно; а во-вторых, их поразительная живучесть, "воскресение" в момент столкновения ортодоксальных теорий с нестандартными реалиями. О.Ананьин прав в том, что отмеченные "пороки" могут оказаться продолжением соответствующих добродетелей только в том случае, если экономическая наука обеспечит гармоничное развитие и эффективное взаимодействие своих составных частей¹⁵, прежде всего эмпирии, теории, практики и искусства.

В широком смысле *эмпирия* – это экономическая реальность во всем богатстве ее связей с реальностью неэкономической. В узком смысле эмпирия охватывает лишь ту часть экономической реальности, которая адекватна *данной* предметной области. Эмпирия является объектом чувственно-

¹² "Круглый стол"... – С. 10.

¹³ Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с написанным Ю.Ольсевичем введением к пятому тому "Всемирной истории экономической мысли" (см.: Всемирная история экономической мысли: В 6-и т. – М., 1994. – Т. 5. – С. 5–12).

¹⁴ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания. – С. 85–86, 90, 93, 153, 156.

¹⁵ Там же. – С. 96–97.

созерцательной, фактофиксирующей деятельности, а также обеспечивающей известный уровень научности последней теоретической деятельности. Понимаемая таким образом эмпирико-исследовательская деятельность предполагает, по А.Спиркину, выработку исследовательской программы, организацию наблюдений, эксперимента, описание наблюдаемых и экспериментальных данных, их классификацию, первичное обобщение¹⁶, результатом которого являются соответствующие первичные понятия.

С *теорией* ситуация более определена. В широком смысле она представляет систему достоверных представлений, идей, принципов, объясняющих соответствующие процессы и явления. В узком смысле теория – это обоснованная и логически непротиворечивая система научного знания, дающая целостный взгляд на субстанциональные свойства и связи определенной области реальности¹⁷. Впрочем, гносеологическая ситуация может оказаться не столь определенной и очевидной, если выйти за обозначенные "эмпирико-теоретические" рамки в область практики и искусства экономики.

Практика – это, конечно, не эмпирия, а сознательная деятельность, направленная на преобразование, прежде всего, той части экономической реальности, которая изначально соответствовала определенной предметной области, была источником эмпирического материала и которая в результате теоретической "обработки" превратилась из абстрактно-конкретного в конкретно-всеобщее (Э.Ильенков). С позиций практики разрыв между фундаментальным и прикладным знанием весьма ощутим, и в соответствии с отечественной научной традицией преодолим посредством, главным образом, *иерархических* связей. Однако в современных условиях "совместное действие тенденций к обособлению теоретико-инструментальной деятельности и развитию прикладных исследований привело к своеобразному "перевертыванию" отношений между фундаментальной и прикладной наукой". Узко практическая направленность прикладного знания, будучи доведенной до определенного предела, чревата своей противоположностью (разумеется, при известных предпосылках). Например, многие фундаментальные идеи второй половины XX века родились в междисциплинарных коллективах масштабных прикладных проектов¹⁸.

Указанное обстоятельство, а также отнюдь не линейный характер связей эмпирии и теории, больших и частных теорий делают правомерным следующее гипотетическое обобщение: *гносеологическая "цепочка" "эмпирия – теория – практика" образует не столько линию с прямыми и обратными связями иерархического типа, сколько треугольник с синархическими связями между "вершинами", который пребывает (расположен) в пространстве "искусства" экономики.*

По О.Ананьину, "искусство" экономики включает не только "набор правил поведения" (Дж.Ст.Милль), жанр рассуждений на избранную тему, диагностику конкретных экономических процессов и ситуаций, социально-экономический дизайн, но и искусство отбора и комбинирования научного знания, его адаптации к особенностям страны и эпохи. Новые уровни экономического знания, обеспечивающие более высокую степень его организации¹⁹, очевидно, расположатся в области взаимопроникновения науки и искусства. На мой взгляд, указанные положения, идеи Дж.Ст.Милля относи-

¹⁶ Спиркин А.Г. Основы философии: Учебное пособие для вузов. – М., 1988. – С. 311–312.

¹⁷ Там же. – С. 321.

¹⁸ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания. – С. 160.

¹⁹ Там же. – С. 97, 159, 162, 168.

тельно взаимодействия науки и искусства, а также современные гносеологические, аксиологические и праксеологические координаты эмпирии, теории и практики позволяют различать два измерения искусства экономики. В узком смысле оно может быть ограничено набором приемов и правил взаимодействий эмпирии, теории и практики. В широком смысле искусство экономики представлено общенаучным и ненаучным контекстом ЭТЗ.

Это означает, что искусство – отнюдь не случайный "гость" в научном "доме" и даже не просто "жилец с постоянной пропиской", а полноправный сособенник, несущий львиную долю ответственности за *познавательный баланс* в упомянутом треугольнике. Дело не только в том, что, скажем, по линии "эмпирия – теория" искусство ответственно за выбор репрезентативной эмпирии и способ ее представления теории; на собственно теоретическом этапе – за "витающую предпосылку" (К.Маркс) или "видение" (Й.Шумпетер); а по линии "теория – практика" – за разработку и выбор механизма применения теоретических положений. Роль искусства значительно важнее. Из того, что известно, принципиально важными представляются детерминируемые искусством процессы *итерации и сложного выбора*.

В частности, речь идет об итерационном кумулятивном выборе и "вершин", и "сторон" "треугольника", который бы (выбор) в каждый известный исследовательский момент учитывал и состояние, и цепную реакцию изменений во всем "треугольнике" под влиянием тех или иных подвижек в любой его составляющей. К примеру, выбор репрезентативной эмпирии не может быть независим от выбора потребных теоретических выводов и практических результатов. Если же в процессе исследований получены неожиданные, "незаданные" первоначальным выбором научные результаты, необходимо соответствующее "доращивание" до них и эмпирии, и практики. С этих позиций "точность фокусировки", как один из якорей, на которых крепится научное экономическое знание, должна включать правильность выбора не только предметной области, которая задает рамки для эмпирического и логического анализа²⁰, но и, по крайней мере, "маяка" научного теоретического исследования, способа практического применения теории, а также варианта увязки самих якорей.

Признавая правомерность отказа от жесткой границы между наукой в узком смысле слова и искусством ее применения²¹, следует учитывать, что он неизбежно будет сопровождаться ее выходом в сложнейший универсальный мир "искусства", от которого и по сей день она "защищена" множеством "шлюзов" "прочих равных условий", и что открытие "шлюзов" должно быть постепенным, в меру готовности научного "корабля". Разумеется, "искусство" экономики (в широком смысле), как среда пребывания "треугольника", объективно обеспечивает его связями, ответственными за его целостность и динамизм. Но большинство этих связей пока лишь интуитивно "нащупываются" наукой, и перспективы здесь весьма туманны.

Методология или философия?

Вышеизложенное убеждает в том, что научная и философская проблематика ФЭН тесно переплетаются. Принято считать, что в современных условиях первая представлена историей экономических учений и *экономической методологией*²² – новой сферой научной деятельности и новой субдисци-

²⁰ Там же. – С. 206.

²¹ Там же. – С. 204.

²² Речь идет о методологии фундаментальной экономической науки (МФЭН) как науке о ФЭН.

плиной экономической науки. Однако при ближайшем рассмотрении возникают сомнения в соответствии названия указанной субдисциплины реальным границам и содержанию ее предметного пространства, методов и функций.

В самом деле. Уже в известном "споре о методе" конца XIX века между маржиналистами и представителями "новой исторической школы" проблематика экономической методологии фактически вышла за рамки, заданные *исходным* пониманием методологии как учения о научных методах, приемах и познавательных средствах. О. Ананьин вполне доказательно смещает акценты "в оценке "спора о методе": это было не столько соперничество за тот или иной метод, сколько выступления против устоявшихся методологических принципов"²³. На последующих этапах эволюции МФЭН указанный разрыв продолжает углубляться.

В сравнении с исходным *традиционный* подход к методологии расширил методологическую проблематику до характеристики предмета и метода науки. *Неопозитивизм* и попперианство привнесли в МФЭН проблемы демаркации (разграничения научного и ненаучного знания), условий научности, операциональности и верификации. Под влиянием *постпозитивистских* концепций Т.Куна и И.Лакатоша происходит сближение собственно научного знания и лежащей в его основе метафизики, прежде всего, *философского знания*; существующие научные школы и теории стали переосмысливаться в качестве научно-исследовательских программ или парадигм; методология вновь обрела интерес к *содержанию* научного знания, произошло взаимное сближение экономико-методологических и историко-научных исследований; методолог стал прежде всего исследователем, вооружившись, в том числе, инструментарием *философии науки*, возрос интерес к *социальному* контексту науки²⁴.

В *постмодернистской* интерпретации экономическая теория исчезает как единая научная дисциплина, остается лишь изменчивое поле различных дискурсов, научное знание предстает не более чем интерпретацией объекта с одной из возможных точек зрения²⁵, а потому не дает возможности судить об объективных сущностях. Образ изучаемого объекта не отражается, а конструируется с помощью эпистемологических фильтров: языкового, онтологического, риторического, методологического. С этим вполне коррелирует отрицание нормативной методологии и признание принципа методологического плюрализма. И благодаря, и вопреки подобным новациям в поле зрения МФЭН попадают новые аспекты содержания экономического знания (с акцентом на формы их выражения), его общекультурный контекст, специфика распространения методологических принципов в науке, отношения между носителем и пользователем знания. *Современная* МФЭН обращает на себя внимание не столько поиском прагматической "средней линии" между традиционным и постмодернистским подходами к методологии²⁶; не в полной мере осознанными попытками нахождения единства своего исторического и логического; не столько определенным приближением *образа* науки к ее объективному *состоянию*, сколько мощной и всесторонней философской экспансией. О чем идет речь?

²³ Там же. – С. 84–85.

²⁴ Там же. – С. 26–29.

²⁵ Такова постмодернистская реакция на реальную фрагментацию экономико-теоретического знания.

²⁶ Там же. – С. 30–42.

В истории становления МФЭН нетрудно обнаружить две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, укрепляется собственно методологический статус МФЭН, который в значительной мере соответствует обогащению проблематики выделившейся из философии методологии (дифференциации и фрагментации подвержена не только экономическая наука). Современная методология весьма отличается от своего исходного состояния. Среди изучаемых ею проблем – средства, предпосылки и принципы организации познавательной деятельности; описание и анализ этапов научного исследования, языка науки, выявление сферы применимости отдельных процедур и методов²⁷. С другой стороны, очевидны не только обогащение МФЭН философской проблематикой, но и выход за собственно методолого-научные границы в философское пространство. О.Ананьин справедливо обращает внимание на формирование нового, *философско-методологического* слоя в системе экономического знания, возвращение интереса к философским основаниям экономического знания, радикальное расширение предметного поля МФЭН, которое охватило ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки²⁸.

Если последовательно продолжить эту линию рассуждений, неизбежен вывод: в той части, в которой МФЭН включает собственно философские проблемы, происходит метаморфоза, – в МФЭН возникает самоценная и относительно обособленная философская составляющая, репрезентирующая философию фундаментальной экономической науки (ФФЭН) в рамках МФЭН. Если же философская проблематика становится преобладающей, а тем более – доминирующей, не исключена более существенная метаморфоза – трансформация МФЭН в самоценную и относительно обособленную составляющую ФФЭН²⁹. Разумеется, это может происходить и без потери МФЭН статуса самостоятельной научной дисциплины.

Свидетельством *первой* метаморфозы является включение МФЭН в поле своего внимания содержания экономического знания, в том числе ненаучного, неэкономического контекста экономических реалий и ненаучного контекста развития экономической теории. Высокая вероятность *второй* метаморфозы подтверждается интенсивно оформляющимся (в том числе, благодаря впечатляющему прогрессу МФЭН) предметным пространством ФФЭН. Если предположить, что ее объектом является экономическая теория в широком жизнедеятельностном (общественно-природном или универсумном) контексте, то указанное пространство очерчивается экономико-познавательной деятельностью³⁰ и вполне соответствует четырехмерной структуре философского знания³¹ (таблица).

²⁷ См., напр.: Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – М., 1987. – С. 278 – 279.

²⁸ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания. – С. 11, 53, 54.

²⁹ В общенаучном контексте в данном случае налицо метаморфоза инверсионного типа. Вслед за (1) выделением методологии из философии и (2) развитием методологий отдельных научных дисциплин (например, экономической теории, социологии или физики) происходит (3) становление философий этих дисциплин с (4) возможным последующим синтезом.

³⁰ Имеется в виду научная, экономико-теоретическая деятельность, ее цели, потребности, интересы, условия, предпосылки, механизмы, факторы, результаты и др.

³¹ Структура философского знания включает следующие нередуцируемые измерения: онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксеологическое (см.: Дубровский Д. Новое открытие сознания? – С. 101; Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. – 2003. – № 12. – С. 12).

Таблица

Строение предметного пространства философии фундаментальной экономической науки

Предметные направления	Предметные области и проблемы
Онтологическое	Конкретно-исторические и экономические условия научной деятельности. Результаты научного исследования, их содержание (например, картина экономической реальности) и формы выражения (например, модели). Взаимоотношение объективных экономических реалий и результатов их научного исследования.
Гносеологическое	Система, структура и эволюция экономического знания. Научное и ненаучное экономическое знание. Научная деятельность, ее цели, потребности, интересы, законы, закономерности, принципы, средства и механизмы. Условия и критерии научности. Взаимодействие субъекта и объекта научного познания. Индивидуальный и коллективный субъект познания. Предметное пространство экономической теории, его структура и эволюция. Положение и роль экономической теории в системе экономического знания. Саморефлексия экономической теории. Методы, приемы, инструменты научного познания. Методологические принципы и стандарты. Язык, категориальный аппарат и терминология науки.
Культурно-аксиологическое	Духовный, социальный, политический и экологический контекст экономической теории. Мировоззренческие принципы, ценностные установки и идеалы научной деятельности.
Праксеологическое	Направленность (фокусировка) научной деятельности на ту или иную составляющую предметного пространства. Интенциональная интуиция. Организация и технология научного исследования. Воление, активность и взаимодействие автора, носителя и пользователя экономического знания.

В таблице представлены достаточно четко обозначившиеся предметные направления, области и проблемы ФФЭН. Очевидно, собственно экономико-методологическая проблематика включена, главным образом, в гносеологическое предметное направление. Онтологическое, культурно-аксиологическое и праксеологическое направления являются преимущественно философскими. Разумеется, исчерпывающее разграничение указанных направлений, а также философской и собственно методологической проблематики весьма затруднительно. По крайней мере, оно требует специальных исследований. Тем не менее, трудно отрицать сам факт становления ФФЭН. Судя по характеру вызревания ФФЭН в рамках МФЭН, их будущее "сосуществование" и взаимодействие обещает быть многогранным: коммуникативная критика, совместные исследовательские проекты, "обмен" идеями, методами, функциями и т. п. К примеру, хотя рационализм и эмпиризм имеют философское "происхождение", в модифицированном МФЭН виде они могут быть весьма полезны ФФЭН. В свою очередь, МФЭН не мешало бы активнее осваивать традиционно философские методы и функции. Одним словом, в данном случае известная поговорка "рука руку моет" имеет исключительно позитивный смысл.